

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

УСТИНЬЯ

ВЫБОР

МОСКВА

КОЛДОВСКИЕ
МИРЫ

ГАЛИНЫ ГОНЧАРОВОЙ

УСТИНЬЯ
Возвращение

УСТИНЬЯ
Выбор

(Продолжение следует...)

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

УСТИНЬЯ

ВЫБОР

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Гончарова, Галина Дмитриевна.

Г65 Устинья. Выбор / Галина Гончарова. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-211037-5

Трещат морозы крещенские, шумит новогодними празднествами стольная Ладога.

А пуще ветров зимних — слухи летят. Царевич-то жениться решил! И отбор уж объявлен, и свозятся во дворец самые прекрасные боярышни Россы, и шипят змеями их матери, и подсчитывают возможную прибыль отцы. Та, на кой царевич женится, в семью почет и славу принесет, а пуще того — власть и деньги. У царя-то наследника другого и нет до сих пор. А еще говорят, с царицею царь разводится, так что вдвое злее стали боярышни. За такой куш и соперницу со света сжить не грех. И дуют ветра зимние над дворцом царским, в окна заглядывают... что-то будет в Россе интересное?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211037-5

© Гончарова Г. Д., текст, 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

Небольшая келья была обставлена нарочито бедно. Да и к чему ее хозяину роскошь?

Немного удобства — то дело другое.

К примеру, ширма, за которой прячется нужное ведро или удобный тюфяк. Не из стремления к роскоши. Просто возраст уж таков — на жестком кости ломит. Спину выкручивает, аж спасения нет. Словно кто-то гвоздь меж лопаток забивает — и крутит, крутит его там, чтобы еще больнее было, еще страшнее.

Боли хозяин кельи не боялся. Не настолько. Но — к чему она лишняя? Все ко времени быть должно, к месту.

Опять же, ширма не расшита золотом или драгоценностями, ведро самое простое, тюфяк не лебяжьим пухом набит, а обычным, гусиным...

Простой деревянный стол выполняет свою функцию: несет на себе множество бумаг, и кому какая разница, что он уже тридцать лет стоит на этом месте? Уже и вид потерял — хотя какой там вид? Вечно на нем как сугроб бумажный навален. И перо не павлинье для письма — обычное, гусиное. И прибор письменный из дешевенького олова — ну так что же?

Хозяину кельи была важна реальная власть.

Не игра, не подделка, не подмена власти над жизнями и душами человеческими на пошлую роскошь. Нет.

Важно ему было, чтобы по одному слову его полки с места срывались, короли и князья повиновались, священники проповедовать начинали по слову его...

Да, именно его слову.

Господь?

Ну так Господь-то давненько по земле ходил. А когда б явился он в эту келью, так решения ее хозяина непременно б одобрил. Мало ли что там и тогда было? Живем-то мы здесь и сейчас.

Требуется для защиты веры убить сто еретиков?

Убьем двести! Чтобы точно никто от расплаты не ушел.

Требуется город сжечь со всеми его жителями?

И такое бывало в летописях Ордена. И сжигали, и землю солью посыпали, и языки вырывали за упоминание о еретическом месте. Так ведь это не со зла творили рыцари! Они души спасали невинные. Ежели завелся в городе даже один еретик, то подобен он будет чуме и собаке бешеной, заразит он души невинные и впадут несчастные в грех ереси.

А коли не успеет заразить всех и кто невиновный под меч рыцарский попадет?

Так они ж невинные, они непременно попадут в Царствие Господне, к престолу Его. А Магистр помолится за их спасение. Как всегда молился.

Искренне.

Истово.

И бичевал себя искренне, и плоть умерщвлял — тоже от всей души. Это уж в старости чуточку ослабил вожжи. Понимал, когда умрет, не доведя дело до конца, преемники и промахнуться могут.

Не справятся. Не сумеют просто, для того иные силы надобны, иная вера, его убежденность за собой людей вести.

Дело всей жизни его.

Росса!

Богатая страна, в которой даже самый бедный житель ходит в мехах.

Громадная страна, в которой можно ехать от одного города до другого несколько месяцев — и не доехать. Страна, в которой трещат лютые морозы, а золото ва-

ляется под ногами россыпью. В которой бродят по улицам медведи и звери песцы.

Страна, не знающая истинной веры!

Вот что самое ужасное! Самое кошмарное!

И ведь живут они и горя не знают. И строятся в Россе храмы, но крестятся они там не по-людски, а справа налево, и сажают поодаль от храмов березовые и дубовые рощи, в которых ставят грязные капища языческие. Дубовые рощи для Рода. Березовые — для Живы.

Воистину, безумны эти россы — как можно предположить хоть на миг, что Бог может быть... женщиной?! Даже подумать о таком уже грех, уже ересь лютая, незаконная, за такую и живьем-то сжечь мало будет! Какую казнь ни возьми — все одно не хватит ее за эдакое кощунство.

Женщина может быть пригодна для деторождения, но для чего-то еще? Это просто красивый и глупый сосуд для мужского семени, так и относиться к ним надобно. Чтобы сидели в своих домах, выходили только в церкви и на рынок, а занимались бы домом и детьми. И так от них вреда достаточно.

Известно же, где баба, там и бес.

А бес просто так сидеть не будет, он пакостит, искушает, нашептывает...

По-хорошему, вообще б от баб отказаться, да вот беда — род человеческий оборвется! Но к себе, в Орден Чистоты Веры, магистр их не допускал.

Великий Магистр Эваринол Родаль их вообще терпеть не мог.

А на некоторые... отклонения от линии Ордена глаза закрывал.

Подумаешь, оруженосец смазливый? Бывает всяко. Лучше уж особая мужская дружба, чем баба, которая встала между двумя мужчинами. Между собой-то мужчины договорятся, а с бабами какой может быть договор? Когда у них в головах невесть что творится!

Единственное, для чего пригодны бабы, — получать от них потомство. Так ежели кто из его рыцарей желает — пусть селят своих девок подальше, отдельно, естественно не женись на них (вступающий в Орден приносил обет безбрачия), и навещают их иногда. Сделают ребенка — и дальше служат Святому Делу! Тогда и шантажировать их жизнями этих личинок тоже не удастся.

Да-да, детей магистр Эваринол тоже не любил.

Были у него свои причины, только никому и никогда б он в них не признался. И собеседнику своему тоже: разве можно другому слабости свои показывать да уязвимые места? Нет таковых у магистра и не было, и не найдете!

Сидели они сейчас рядом с небольшим камином, смотрели на огонь, о важном разговаривали.

— Магистр, ты уверен, что это поможет?

— Вполне уверен.

— Ты понимаешь, что иначе династия прервется, мы ничего не сумеем достигнуть, и Расса окажется... в сложном положении?

Эваринол кивнул.

Да, если их план удастся, то уже через пару поколений вотчиной Ордена станет вся Расса.

Ежели нет?

В Рассе начнется смута, и воздействовать на нее станет весьма сложно. Даже невозможно практически. Слишком уж непредсказуемы эти россы, слишком опасны.

Казалось бы, уже и купил ты его, и заплатил столько, что внукам его вперед на три жизни хватит, а в какой-то момент все меняется.

У него СОВЕСТЬ просыпается!

Подумайте только, совесть! У продажной шкуры!

Дикие эти россы! Просто дикари, право слово!

Вот ведь недавно, только-только они договорились с одним человечком, только все дело в ход пошло — и поди ж ты!

Совесть у него проснулась! Нельзя, мол, так, то черное колдовство, дьявольское! Не надобно так с людьми поступать, Господь... может, и не накажет, но какие-то ж пределы быть должны, не сможет он за них переступить!

Тьфу, дурак!

Как может дело их быть дьявольским, когда через него благие цели достигаются? А ежели уж в глубину души магистра поглядеть да изнаночку вывернуть — ерунда все это! Чтобы Орден силы взял, магистр Родаль и с Дьяволом бы договор заключил, не побрезговал. И потом на божьем суде искренне каялся.

Не для себя, Господи, токмо ради Ордена!

Душу гублю, себя предаю в лапы Сатаны, но Орден мой, детище мое, могуч и силен будет.

Глупая и нелепая мысль о том, что иными методами можно и райские врата замарать, ему в голову и не приходила. С чего бы?

Это ж ОН!

Ему — можно!

Он для Ордена. А перед Богом он оправдается. Вообще, они с Богом сами разберутся, без посредников.

Но Бог-то там, а цель — здесь. Пришлось человечка устранить, в Россе сейчас... нет, не хаос, но неприятное что-то творится. А им придется другого своего человека задействовать.

А не хотелось бы.

Он более ценный, более важный. Но ради ТАКОГО куша можно и им рискнуть. Никто ж не говорит о жертве? Может, еще и вывернется, а когда нет, они за душу его героическую всем Орденом помолятся! И обязательно герой в райские кущи попадет!

— Я все понимаю, — заверил он собеседника. — Должны справиться.

— Должны — или справятся?

Эваринол задумался.

— Должны. Но риск велик, могут и не справиться. Я просчитал, что мог, но это дикие и непредсказуемые

россы, с ними всегда так сложно разумным людям! Ежели помнишь сражение под их городишком с диким названием Козел... или Козлоуффф?

Собеседник перекосялся так, словно у него разом заболели все зубы.

— Я был там.

— Тем более...

На несколько секунд мужчины замолчали, погрузились в воспоминания. Казалось бы, то дело было спокойное и не предвещающее ничего опасного: отряду в пятьсот рыцарей надобно захватить один город. Один небольшой город. Там и всего-то человек двести дружины, каждый разумный человек поймет — надобно сдаваться...

Не сдался никто.

На стены встали бабы и мальчишки, вслед за дружиной из ворот вылетело ополчение из мужиков с вилами, цепями, косами... Какое дело сервам до чьей-то войны? Никакого, и это тоже поймет каждый разумный человек! А они пошли, и погибли, и забрали с собой часть рыцарского отряда... и только несколько людей под покровом темноты спаслось с поля боя.

Россы? Да, во всем виноваты эти проклятые дикари! Почему, ну почему они не могут попросту сдаться, как это приличествует проигравшим? Почему раз за разом они кидаются на клинки, забирают с собой врагов, стараются хоть зубами вцепиться в глотку, хотя каждый разумный человек предпочтет спасти свою жизнь? Магистр до сих пор не смог найти ответа на этот вопрос — и оттого ненавидел россов еще сильнее.

— Тогда предлагаю подготовить запасной план. Но ты понимаешь, магистр, Орден тогда не будет первым, но сможет быть — равным среди равных. Вам придется не диктовать условия, а договариваться.

Магистру это было не по вкусу, но ради сокрушения Россы он готов был разговаривать с кем угодно, хоть с самим Сатаной!

— Я изучал российские поговорки. Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

— Они едят синиц? Дикие люди!

— О да, друг мой. Я бывал там... однажды.

Магистр вспомнил свою поездку в Россу, свои впечатления... и на миг даже зажмурился.

Тогда была Пасха.

Он был молод.

И...

Нет!

Об этом вспоминать не надо! Никогда не надо! Пусть даже и в бреду те глаза не чудятся, пусть сгинут, рассыплются... Он свой выбор сделал!

— И что ты скажешь об этой стране?

— Она слишком опасна, чтобы позволить ей существовать. Я считаю, что на карте мира не должно быть никакой Россы. Должно быть несколько государств, мелких, независимых друг от друга, неопасных для нас. И надобно воспитывать россов. Насаждать там свою религию, культуру, обычаи, нравы, сказки и песни, травить в них все русское, учить презирать исконное, свое. Восхищаться нашим. Только тогда мы сможем жить спокойно.

— Я согласен с тобой, магистр. Что ж. Я готовлю запасной план. А ты приводи в действие своих людей. И пусть свершится, что суждено.

— Пусть сбудется, — выдохнул магистр.

Пусть.

Может, тогда он наконец забудет?

Сможет?

Сколько уж лет прошло, а не забывается то искушение дьявольское, не оставляет его... раньше вообще только бичеванием да постом строгим спасался от плоти восстающей. А сейчас возраст, сейчас попроще стало...

Забуть!

Стереть Россу с карты мира — и забыть о ней навсегда.

О них обоих...

Глава 1

ИЗ НЕНАПИСАННОГО ДНЕВНИКА ЦАРИЦЫ
УСТИНЬИ АЛЕКСЕЕВНЫ СОКОЛОВОЙ

Как в черной жизни своей я могла быть так глупа и слепа?

Задаю себе сейчас этот вопрос, а ответа не вижу.

Почему не приглядывалась к людям, не разговаривала с ними, не пыталась понять, не спрашивала о нуждах их, о желаниях?

Только себя видела, только себя слышала, за что и заплатилась. Ладно бы одна я душой была, сама и плакалась потом, так ведь и других за собой моя глупость потянула.

Не пойми чем занималась. Кому сказать — платочки вышивала.

По обычаю-то так: на царевичеву свадьбу подарков не дарится, а вот невеста может кого из гостей своим рукоделием одарить. Не всех, понятно, только самых важных, кого выделить надобно да приветить.

За меня тогда все Фёдор и свекровка решили. Они указывали, а я только руку протягивала и кланялась. Мол, прими, добрый молодец.

Свекровка решала, если уж перед собой и честно сознаваться, Фёдор ей повиновался, а я им обоим.

И не думала ни о чем. Тупым растением жизнь прожила, хорошо хоть перед смертью опаматовалась.

Хорошо хоть в монастыре жизнь научила, заставила о других думать, не только о себе.

Сейчас же я на месте сидеть да ждать невесть чего не могу, нельзя мне, боюсь я, что наново тем же кончится.

Мне очень надо побывать в священной роще. Но сейчас уже легче, мне уже красться не надобно. Илья поможет. Скоро свадьбу его играть будем, вот и попрошу его отвезти меня к Добряне.

Заодно еще раз проверим, что нет на нем аркана или еще какой пакости.

А ведь ходит братик смурной, тоскливый весь, что день ненастный. И есть тому причина, красивая, статная, черноволосая — вот кого бы в монастырь навеки.

Царица Марина, гадина ненасытная!

Отставила она Илюшку от своего тела, как лакея какого, и мучается брат. Страдает, переживает, места себе не находит... я тоже.

Мне и подумать страшно, а ведь не первый год происходит такое! Блуд, разврат, поношение... Как могла она мужу изменить?!

Борис ведь... это просто — Боря! Просто самый лучший мужчина в мире, единственный, а она под других, по койкам скачет — разве можно так?

Раньше я бы подлой рунайке в волосы вцепилась, сейчас же... понять я ее могу. В монастыре и не такого навидалась.

Только вот понять и простить не равнозначно ничуточки, понять я могу эту гадину, а простить — не прощу, и не спущу, и спрошу все с лихвой, когда момент придет.

Для меня Боря — ровно солнышко ясное, небо светлое, руда, по жилам бегущая. Его не будет, так и меня не станет. А Марина? Кто он для нее?

Что было в моей черной жизни, когда Бориса не стало?

А она ведь не умерла, не рвала на себе волосы, не кричала, в истерике не билась, не окаменела... вообще она горя не проявляла. Так себя вела, словно горе и не беда вовсе, и хуже быть могло.

О троне она горевала, о власти, о несбывшемся. Сейчас я это понимаю, но именно сейчас. А тогда...

Сама я окаменела от горя. Не видела ничего, не слышала...

С Мариной и половины такого не было. Трети не случилось!

Не люб он ей?

Может и такое быть. Принудили, приневолили... всяко бывает! Но потом-то? Неуж не разобралась рунайка, какой он? Ведь не дура же!

Хотя и так бывает.

Не люб — и хоть ты о скалы разбейся. Не поможет.

Не знаю...

Тогда я и мысли допустить не могла, что рунайка и мой брат под одним одеялом окажутся! Да просто изменить Борису мне святотатством казалось! А ей и ничего вроде...

В той жизни не приглядывалась я к ней, не задумывалась. В этой же... не спущу!

Хоть что увижу — не поущу!

А я увижу.

В отборе царском несколько ступеней. Сначала избранныцам башмачок особый примеряют. Ежели нога больше нужного, не подходишь ты.

Я-то и в тот раз подошла, ножка у меня маленькая.

Потом всех выбранных лекарь осматривает.

Невеста царская должна быть статной, здоровой, росту высокого, обязательно девушкой нетронутой — мало ли что?

Потом с семьями девушек разговаривают. Выясняют, многочадны ли. Могут ли наследника родить царю-батюшке.

Ежели детей в семье мало — нипочем не допустят.

Забавно, но змея рунайская тут всем взяла. И румяна, и статна, и рунайцы все плодовитые... не все детки у них выживают, но тут уж так: Бог дал — Бог взял.

Далее девушек в палаты царские привозят. Не всех, лишь самых-самых, а таких больше сотни и не набирается, и с ними государь да бояре беседуют. Из сотни,